
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 1(091)(4/9);1(091)

ИЗУЧЕНИЕ ЗАРУБЕЖНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В РАБОТАХ Г. П. ДАВИДЮКА 1960–80-х гг.

А. Ю. ДУДЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирован процесс трансфера зарубежных концепций в работах белорусского социолога Г. П. Давидюка в период 1960–80-х гг. Продемонстрировано влияние изучения зарубежных концепций индустриального общества на профессиональное становление социологического знания и представление о нем в целом. Рассмотрена специфика советской критики буржуазной социологии как формы трансфера знания. Показана трансформация отношения к зарубежным концепциям в сторону их «нормализации» и использования ряда идей, понятий и подходов в академической и образовательной деятельности.

Ключевые слова: Г. П. Давидюк; белорусская социология; критика буржуазной социологии; трансфер знаний; ревизионизм; индустриальное общество; история зарубежной социологии.

Образец цитирования:

Дудчик АЮ. Изучение зарубежных социологических идей в работах Г. П. Давидюка 1960–80-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;1:93–101.

For citation:

Dudchik AY. Study of foreign sociological ideas in works of G. P. Davidyuk in the 1960–80s. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;1:93–101. Russian.

Автор:

Андрей Юрьевич Дудчик – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Andrei Y. Dudchik, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
a_dudchik@tut.by

STUDY OF FOREIGN SOCIOLOGICAL IDEAS IN WORKS OF G. P. DAVIDYUK IN THE 1960–80s

A. Y. DUDCHIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The process of transfer of foreign conceptions in the works of Belarusian sociologist G. P. Davidyuk in the period of 1960–80s is analyzed. Importance of study of foreign conceptions of industrial society for his professional development and general vision of sociological knowledge is proved. Specificity of Soviet «critique of bourgeois sociology» as a form of knowledge transfer are explicated. Transformation of attitude toward foreign conceptions as a variant of «normalization» and permanent use of a number of ideas, concepts and approaches in research and education is shown.

Key words: G. P. Davidyuk; Belarusian sociology; criticism of bourgeois sociology; transfer of knowledge; revisionism; industrial society; history of foreign sociology.

Период 1960–80-х гг. обладает особым значением для истории белорусской социологии, поскольку именно в этот период происходит повторная институализация социологических исследований и социологического образования в республике. В эти годы были заложены основы социологического знания, сохраняющие свое значение и влияние и сегодня. Во-первых, стоит отметить, что белорусская социология была достаточно плотно интегрирована в общесоветскую социологию, но, будучи ее частью, она обладала и собственной спецификой. Социология в СССР изначально развивалась как прикладная дисциплина, тесно связанная с изучением конкретного региона и вписанная в местный контекст. Во-вторых, социология в Советском Союзе в целом была тесно связана с философским знанием, ее рассматривали формально как разновидность философских наук. Поэтому провести жесткое различие философского и социологического знания в ряде случаев непросто, некоторые исследователи этого периода до сих пор воспринимаются научной общественностью и, что не менее важно, самими собой и как философы, и как социологи. Одной из наиболее значимых фигур для данного периода является профессор Г. П. Давидюк, по праву считающийся патриархом белорусской послевоенной социологии. Сложно переоценить вклад этого человека в становление социологии как исследовательской деятельности и учебной дисциплины в Беларуси. В данном исследовании остановимся на одном из аспектов его работ, а именно на изучении зарубежных социологических концепций. Как будет показано, данные исследования сыграли существенную роль в профессиональной карьере ученого и явились важным фактором становления белорусской социологии.

Существует достаточно устойчивое представление о том, что советское философское и социально-гуманитарное знание существовало преимущественно герметично, было мало связано с зарубежными (прежде всего западными) идеями и концепциями. Несомненно, многочисленные формы идеологизации и политического контроля [1, с. 79–109] суще-

ственно ограничивали советское социологическое знание. Тем не менее имеющиеся сегодня данные уже позволяют говорить о достаточно высокой степени знакомства ряда советских исследователей с зарубежными концепциями и, более того, о значительном и в определенной степени конститутивном влиянии зарубежных концепций на становление советской социологии. Например, А. Ф. Филиппов отмечает: «Несмотря на то, что угроза включить социологию в сугубо идеологическое производство существовала всегда, она занимала важное место в конструкции экспертного знания советской эпохи. Социология в СССР сформировалась под влиянием и постоянно испытывала влияние мировой социологии» [2, с. 92]. Сама по себе тема влияния зарубежных концепций представляется весьма перспективной, хотя и требует исследования достаточно большого объема материалов. В настоящей статье сосредоточим внимание на процессе трансфера зарубежных концепций в белорусскую социологию в 1960–80-х гг. Основной тезис: процессы трансфера зарубежных идей и концепций являлись существенным фактором, влияющим на развитие белорусской социологии в 1960–80-е гг. Стоит отметить важность использования именно понятия «трансфер», что позволяет рассматривать не просто влияния или рецепции, но и сложный многонаправленный процесс культурного взаимодействия, подчеркнуть активное и творческое участие в этом процессе белорусской стороны. Междисциплинарная программа изучения процессов культурного трансфера активно развивается сегодня применительно к разным областям человеческой культуры и знания. На наш взгляд, данный подход вполне может рассматриваться как один из методов изучения интеллектуальной истории [3], в данном случае истории становления белорусской социологической мысли.

Международные контакты стали важным фактором возрождения социологических исследований в СССР в послевоенный период. Одним из ключевых событий в СССР историки социологии называют III Всемирный социологический конгресс,

проходивший в Амстердаме в 1956 г. и сыгравший значительную роль в легитимизации социологии в стране. Так, Л. Г. Титаренко и Е. А. Здравомыслова в работе, посвященной истории социологии в России, отмечают: «Возвратившись с Конгресса, члены делегации доложили партийному руководству, что советская идеологическая машина отстает от западной и что следует использовать потенциал эмпирических социальных исследований в соревновании двух систем и в управлении внутри страны» [4, с. 46]. После этого в Советском Союзе начинают создаваться первые центры социологических исследований, в различных республиках это происходит в разное время. Как было отмечено выше, в БССР соответствующее партийное постановление было издано в 1965 г.: постановление Президиума ЦК Компартии Беларуси от 9 ноября 1965 г. «Об организации конкретно-социологических исследований в республике». Подготовкой текста во многом занимался Е. М. Бабосов [5, с. 38].

В послевоенный период социология рассматривается как разновидность философского знания. В 1970-е гг. среди специальностей из области философии появляется «Прикладная социология». Насколько можно судить по имеющимся данным, первая диссертация по этой специальности была защищена в 1977 г. [6]. Всего за 1977–1991 гг. было защищено 57 диссертаций по социологии, причем большая часть в 1980-е гг. [7]. При этом все защищенные диссертации по социологии являлись кандидатскими. Само название специальности указывает на ее прикладной характер, большинство защищенных диссертаций по прикладной социологии были посвящены изучению конкретных социальных явлений и базировались на материалах эмпирических исследований. Социологические темы, связанные с теоретическими вопросами и критикой зарубежных социологических концепций, часто могли разрабатываться в рамках других специальностей.

В БССР за 1960–80-е гг. было написано достаточно большое количество работ, так или иначе связанных с изучением зарубежных социально-философских, социологических и политологических концепций. В исследовании сосредоточимся на текстах Г. П. Давидюка – ключевой фигуры в становлении белорусской социологии в 1960–80-х гг.

Значимость зарубежных идей для профессионального становления ретроспективно подтверждается самим исследователем в позднейших интервью: «Суть социологии я узнал, часто бывая в Институте философии АН СССР, где уже в середине 1960-х гг. был сектор социальных исследований... Работая часто в читальном зале Московской библиотеки им. В. И. Ленина, я внимательно при-

слушивался к беседам об американской, немецкой социологии. Очень много о ней узнал от известных уже в начале 1960-х гг. московских профессоров Геннадия Осипова, Галины Андреевой. Моими настольными учебниками были книги Владимира Ядова “Социологические исследования. Методология. Программа. Методика” (1972), Андрея Здравомыслова “Методология и процедура социологических исследований” (1969)... Особенно меня впечатлили глубиной знаний как американской, так и советской действительности Джон Гэлбрэйт и Дэниель Белл в своих книгах “Новое индустриальное общество. Техноструктура” и “Грядущее постиндустриальное общество»» [8, с. 10]. Как видим, наряду с общением с московскими социологами и чтением пионерских советских работ по социологии профессор Г. П. Давидюк отдельно отмечает большое влияние на отечественную социологию зарубежной литературы. Он вспоминает: «Наиболее глубоко я постиг суть социологии, когда писал докторскую диссертацию “Критика теории единого индустриального общества”. Книги по этой теме были написаны в то время американскими, немецкими, польскими социологами. Переводов на русский язык данных книг в 1960-е гг. не было. Пришлось читать все в оригинале» [8, с. 10]. При этом люди, знающие несколько иностранных языков, в то время встречались достаточно редко: «...на заседании совета Института философии меня избрали зав. сектором института. Во время этого избрания произошел интересный инцидент. Когда докладчик данных о Г. Давидюке академик В. Сербен-та сказал, что Г. Давидюк свободно владеет тремя иностранными языками (английским, немецким, польским), К. Буслов¹ сразу бросил реплику: “А не потомок ли это какого-нибудь дворянского рода?”» [8, с. 9]. Ирония в последней реплике подчеркивает необычность того факта, что советский гражданин владеет несколькими иностранными языками.

В Советском Союзе существовало официальное противопоставление советской и буржуазной науки, что было особенно актуально и для социологии. Как отмечает Э. Вайнберг, «обобщая, советская концепция социологии была прямо противоположна представлениям о буржуазной социологии»² [9, р. 47]. Одновременно с этим зарубежная социология являлась объектом специального изучения, которое было институализировано под общим названием «критика буржуазной социологии» и долгое время выступало как единственный официально санкционированный вариант изучения зарубежных концепций. Как показывает исследование Л. Гринфельд, критика буржуазной социологии выступала четвертой по популярности темой социологических работ в СССР в 1970–80-х гг. [10, р. 104]. Конечно, подобные работы обладали устойчивой структурой: «данный

¹Директор Института философии и права Академии наук БССР. – А. Д.

²Здесь и далее перевод наш. – А. Д.

жанр предполагал глубокий анализ зарубежной литературы и активное восприятие западных социальных теорий. Ритуальной частью данного жанра был раздел с критикой скрытых буржуазных оснований западных теорий с позиций ортодоксального марксизма... многие из авторов, работавших в подобном жанре, принадлежали к интеллектуальной элите. Они владели иностранными языками и имели доступ к западным книгам и специализированным периодическим изданиям» [4, р. 37–38]. При этом важно отметить, что в позднесоветский период собственно критико-полемика составляющая исследования часто отходила на второй план, принимая характер воспроизведения определенных формальных схем и риторических формул. В. А. Куренной отмечает: «Поскольку... "критика" (полемика оценка рассматриваемых доктрин с марксистско-ленинских позиций) в позднесоветский период зачастую ограничивалась лишь ритуальным жестом, практика написания этих работ состояла в имманентной реконструкции соответствующих концепций. Таким образом, "стеклянный занавес" между советским и западным философским сообществом в данном случае был функционально-эквивалентен исторической дистанции» [11, с. 9].

Хронологически первой белорусской философско-социологической работой, посвященной анализу зарубежной социологии, можно считать книгу Г. П. Давидюка «Основные черты современного ревизионизма» [12], опубликованную в 1961 г. Текст книги основывается на кандидатской диссертации по философии, защищенной в Москве в 1959 г. [13]. Интересно отметить, что в этот период также выходят работы, посвященные этой теме в Москве и в Ташкенте, с фактически тождественными названиями [14; 15]. Данный факт можно объяснить как политической злободневностью самого предмета, так и плановым характером распределения тем исследований в советской системе управления научными знаниями. Борьба с ревизионизмом являлась одной из основных задач советской идеологии на международной арене в конце 1950-х гг. Как пишет Б. Ю. Кагарлицкий, «в Восточной Европе тоже происходили перемены. На фоне догматизации официальной коммунистической идеологии постоянно можно наблюдать то попытки возврата к истокам классического марксизма, то, наоборот, попытки создания новых критических концепций. С легкой руки партийных работников и тех и других, несмотря на все различия между ними, окрестили "ревизионистами". <...> В политическом плане "ревизионизм" связывали с ориентацией на коммунистическую партию Югославии, которая, взяв власть в стране, не желала подчиняться советскому руководству. <...> В Восточной Европе слово "ревизионист" в скором времени стало самоназванием» [16, с. 60–61]. Как было зафиксировано в «Декларации совещания представителей коммунисти-

ческих и рабочих партий социалистических стран», «современный ревизионизм пытается опорочить великое учение марксизма-ленинизма, объявляет его "устаревшим" и якобы утратившим ныне значение для общественного развития. Ревизионисты стремятся вытравить революционную душу марксизма, подорвать веру рабочего класса и трудового народа в социализм» [17, с. 15–16]. Теоретическим источником ревизионистских идей называется отход от принципов диалектического материализма: «Это мировоззрение отражает всеобщий закон развития природы, общества и человеческого мышления. Это мировоззрение пригодно для прошлого, настоящего и будущего. Диалектическому материализму противостоят метафизика и идеализм. Если марксистская политическая партия при рассмотрении вопросов исходит не из диалектики и материализма, то это приведет к возникновению односторонности и субъективизма, к закостенению мысли, к отрыву от практики и к потере способности давать соответствующий анализ вещам и явлениям, к ревизионистским или догматическим ошибкам и к ошибкам в политике» [17, с. 15].

Данная работа сыграла существенную (хотя и неожиданную) роль в карьерной траектории Г. П. Давидюка. Сам социолог вспоминает: «После войны я работал в административных учреждениях... О работе в науке не мечтал, и никаких мыслей у меня не было об этом. Но бывает и в ясный день гром грянет. В 1961 г. вышла моя книга "Основные черты современного ревизионизма". Югославская пресса своим журналистским корпусом обрушилась на мою книгу. В проправительственной югославской газете "Борьба" меня обвинили в клевете на югославское руководство, в том числе и на Иосифа Броз Тито. В то время я работал лектором ЦК КПБ. Где-то в начале 1962 г. позвонил мне директор Института философии и права АН БССР Казимир Буслов, пригласил на деловую беседу. В беседе он предложил мне перейти на работу в его институт и занять должность зав. сектором исторического материализма. Он сказал: "У Вас уже много публикаций: книги, журнальные и газетные статьи. Наш коллектив Вас примет хорошо". Когда я вежливо стал ему объяснять, что мне нравится нынешняя моя работа, он серьезно посмотрел на меня и сказал, что его приглашал секретарь ЦК КПБ и сказал, что им неудобно оставлять в своем аппарате Г. Давидюка в связи с таким возмущением югославов против него. В конце беседы он порекомендовал К. Буслову пригласить Г. Давидюка на работу в Институт философии, тем более там сейчас есть хорошая вакансия. После этих слов К. Буслова я все понял» [8, с. 9]. Таким образом, данный текст и вызванная им реакция оказались достаточно большое, пусть и косвенное, влияние на развитие белорусской социологии в целом.

Следует сказать несколько слов о структуре и содержании самой работы, посвященной критическо-

му анализу неортодоксальных направлений в марксизме, которые в советской традиции обозначались общим термином «ревизионизм». Книга начинается с рассмотрения истории ревизионистских течений конца XIX – начала XX в. (Э. Бернштейн, австромарксизм, «бундовцы»). Далее дается общая классификация ревизионистских работ на основании критики советского марксизма: «Одной из особенностей современного ревизионизма является то, что среди ревизионистов наших дней существует негласное разделение труда. Одни из них особенно усиленно извращают марксистско-ленинское учение об империализме, другие – научный коммунизм» [12, с. 27]. Из социальных предпосылок развития ревизионистских идей автор выделяет неоднородность партийного состава и возрастание роли интеллигенции в новых социалистических странах (Польша, Югославия). В теоретическом плане подчеркивается зависимость ревизионизма от буржуазных концепций: «современный ревизионизм имеет также идейные источники, одним из которых является буржуазная идеология. Не только идеи, но и терминология ревизионистов не представляет собой ничего оригинального... Среди ревизионистских работ нет ни одной, теоретические послышки которой не были бы заимствованы у буржуазных ученых» [12, с. 43]. Отдельный параграф посвящен философским основам ревизионизма. Автор отмечает, что «прямолинейность и односторонность, субъективизм и субъективная слепота – таковы гносеологические корни современной буржуазной философии» [12, с. 51]. Особое внимание уделяется соотношению ревизионизма и догматизма как еще одной форме неверного понимания марксистского учения: «гносеологические корни современного ревизионизма ярко обнажаются при сопоставлении его с догматизмом. По форме ревизионизм и догматизм представляют собой два противоположных друг другу способа извращения марксизма-ленинизма» [12, с. 53]. Достаточно подробно разбирается критика марксистской материалистической диалектики в работах современных исследователей (Г. Лукач, Э. Блох, А. Лефевр). Особо подчеркивается неявный идеалистический характер ревизионизма: «Подменив материализм идеализмом, ревизионисты смогли бы все пороки капитализма оправдать нравами, психикой, просвещением и т. д.» [12, с. 65]. Позже делается общий вывод о том, что ревизионизм следует рассматривать как форму буржуазного идеализма. В качестве еще одного важного недостатка ревизионизма указывается его критика принципа партийности и вмешательства философии в частные науки (в том числе и в социологию). В целом основные аргументы против ревизионизма выглядят достаточно стандартно для советской философской риторики данного периода. Для нашего исследования больший интерес представляют идеи зарубежных авторов, которые подвергаются кри-

тическому рассмотрению. Помимо уже упомянутых ранее, в книге представлено достаточно много взглядов польских (кроме достаточно влиятельных З. Баумана и Л. Колаковского, упоминается и менее известный неогегельянец Т. Кроньский) и югославских (И. Надь, М. Джилас) исследователей. Как уже отмечалось ранее, книга, изданная в 1961 г., основывается на материале диссертационной работы по философии, защищенной в 1959 г.

Следующей значимой работой, также посвященной критическому изучению зарубежных социально-политических концепций, является книга Г. П. Давидюка «Критика теории “единого индустриального общества”», изданная в 1968 г. [18]. В том же году на основании результатов этого исследования автором была защищена докторская диссертация по специальности «Диалектический и исторический материализм» [19]. Как уже отмечалось ранее, в своих воспоминаниях Г. П. Давидюк весьма высоко оценивает эту работу с точки зрения своего профессионального становления как социолога. В самой книге достаточно подробно рассматриваются взгляды большого количества зарубежных специалистов, занимавшихся разработкой вопросов, касающихся индустриального общества в целом и сходства индустриальных обществ с различными политическими и экономическими устройствами. Среди наиболее часто упоминающихся можно выделить взгляды Р. Арона, У. Ростоу, П. Сорокина, Г. Маркузе, Т. Парсонса, Дж. Форрестера, Р. Даррендорфа. Интересным образцом языка эпохи является аннотация: «Идеологи буржуазии лихорадочно изобретают теории и теориейки, которые ставят своей задачей приукрасить капиталистическое общество, затушевать пороки и отсрочить его гибель. Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена критике одной из наиболее распространенных сейчас на Западе теорий такого рода – теории “единого индустриального общества”. В ней вскрыты истоки, подлинная сущность и главная задача этой концепции» [18, с. 2]. Как отмечается во введении, рассматриваемая теория «по сравнению с другими является наиболее гибкой, паразитирующей на некоторых явлениях действительности» [18, с. 9]. Особенно подчеркивается проективный характер критикуемой теории: «теория “единого индустриального общества” не только претендует на то, чтобы “дать развернутую характеристику современного общественного развития”. Это – попытка буржуазных идеологов нарисовать путь движения общества в будущем» [18, с. 13]. В качестве подтверждения последнего тезиса упоминается активное обсуждение теории «единого индустриального общества» на V и VI Всемирных социологических конгрессах в 1962 и 1966 гг. При этом отмечается, что развитие теории «единого индустриального общества» является реакцией на успехи социалистического строительства: «важнейшая

особенность теории “единого индустриального общества” – признание факта наличия существования социалистической системы и попытка решать проблемы развития общества именно с учетом этого фактора. Сущность теории “единого индустриального общества” состоит в отрицании коренных различий между социализмом и капитализмом, в стремлении доказать тождественность капиталистической и социалистической экономических систем. Из этого делаются далеко идущие выводы о перспективах развития общества» [18, с. 8].

Основные критические замечания в адрес зарубежных теорий содержатся преимущественно в первой главе и заключении, в то время как основной текст посвящен достаточно подробному анализу исследуемых концепций. Как уже отмечалось ранее, большое внимание уделяется связи теоретических построений с социально-экономической ситуацией в капиталистическом обществе и стремлению продемонстрировать классовый характер социологических теорий. При этом достаточно часто используются метафорические обозначения «приземленного» характера социологии: «корни», «методологические основы», «гносеологические источники». Вполне распространенными для советской риторики того времени являются и основные критические замечания: «метафизика», «буржуазный позитивизм», «субъективизм», «абсолютизация отдельных процессов», «отрицание классового подхода» и т. д. Следует выделить высказанный упрек в злоупотреблении количественными методами исследования: «увлечение количественными методами, выхватывание отдельных фактов» [18, с. 37].

В 1970 г. публикуется книга Г. П. Давидюка «Марксісцкая ідэалогія і буржуазная дэідэалагізацыя», в которой содержится информация об основных зарубежных центрах советологии и ключевых исследователях (Д. Белл, С. Липсет, Г. Маркузе, Дж. Гэлбрейт, З. Бжезинский), также приводятся техники идеологической индоктринации (на основе теории стереотипизации У. Литмана), концепции деидеологизации (Р. Арон, Д. Белл) [20]. Отдельный раздел посвящен проблеме конвергенции идеологий и, в частности, соотношению советской и буржуазной социологий (П. Сорокин). Несмотря на то что автор категорически отрицает возможность создания единой социологической теории, он находит определенное сходство советской и западной социологических традиций: «категории буржуазной социологии в большинстве своем похожи на названия марксистской социологии. Многие из них просто переняты из марксизма» [20, с. 71]. Основное различие видится в методологии исследования: диалектический и исторический материализм, идеализм и позитивизм соответственно. В тексте можно обнаружить достаточно позитивные оценки зарубежной социологии: «среди изданных в СССР работ буржуазных социологов есть много книг, ко-

торые содержат интересный фактический материал, описание новых методов и техники конкретно-социологических исследований. <...> Буржуазная социология старше, пока она имеет больше сторонников. Но марксистская социология имеет теоретическое и классовое превосходство» [20, с. 72]. Следует немного пояснить: в процитированном отрывке речь идет преимущественно о технических моментах, связанных с проведением конкретных исследований, поскольку социология в Советском Союзе в 1960–80-е гг. рассматривалась преимущественно как прикладная дисциплина (на что указывает и название специальности: «прикладная социология»), фактически речь идет о признании заслуг зарубежной прикладной социологии – аналога советской (подробнее о становлении белорусской социологии как прикладной дисциплины см. [21, р. 100–104]).

В 1975 г. Г. П. Давидюк публикует первый в Советском Союзе учебник по прикладной социологии «Введение в прикладную социологию», который содержит достаточно большое количество информации о зарубежных социологических концепциях, им посвящен отдельный раздел «Буржуазная социология», занимающий 89 из 199 страниц (что по объему больше раздела, посвященного истории марксистской социологии) [22]. Отдельно стоит упомянуть достаточно большой интерес к истории социологии, в этом плане можно провести определенные параллели с первыми советскими учебниками по марксистской философии, которые также основывались на историческом изложении материала [23]. Раздел, посвященный буржуазной социологии, начинается с реконструкции возникновения социологии в XIX в. в работах родоначальников дисциплины – О. Конта, Г. Спенсера. Затем проводится анализ различных социологических направлений первой половины XX в.: психологического (Л. Уорд, Г. Тард), эмпирического (Ф. Ле Пле, Э. Дюркгейм), механистического (Г. К. Керри, В. Освальд), технократического (Т. Веблен), демографического (А. Кост), формалистического (М. Вебер, Г. Зиммель, Ф. Тённис). В качестве основных черт зарубежной социологии данного периода названы натурализм, эволюционизм, преобладание структурно-функционального анализа, господство идеалистической методологии. Далее рассматриваются различные национальные социологические традиции и их ведущие школы и направления. В США – это чикагская школа (У. Томас, Ф. Знанецкий), школа структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Р. Мертон), диагностическая школа (П. Сорокин, Э. Шилз, С. Ландау), социал-дарвинизм (диалектики и гуманисты Ч. Пейдж, Р. Парк). В качестве ведущих ученых французской социологии указаны Ж. Гурвич, Ж. Фридман, А. Турен, Р. Арон, социологии Федеративной Республики Германия – Р. Даррендорф, Т. Адорно, Г. Шельски, Ю. Хабермас. Также дается

общая характеристика социологических традиций Англии, Италии и Японии. Далее приводится обзор различных направлений современной зарубежной социологии: эмпирической социологии и социометрии, технократического и психологического направлений. В конце раздела дается общий критический разбор зарубежной социологии, отмечаются такие ее черты, как отсутствие научной методологической основы, отрицание связи с идеологией, антигуманизм. Книга содержит в себе «Список рекомендованной литературы для чтения по литературе», отдельный блок посвящен зарубежным авторам (М. Вебер, Э. Дюркгейм, О. Конт, Г. Тард, Р. Миллс и др.), при этом одну часть списка составляют переводные работы, изданные в советский период, а другую – дореволюционные издания. Достаточно показательна и классификация основных социологических категорий, предложенная в учебнике Г. П. Давидюка «Прикладная социология» (1979): «социальный факт, социальная среда, непосредственная социальная среда, личность, коллектив; социальные действия, связи, отношения, системы, организации; социальные структуры, классы, слои, группы, межклассовые и внутриклассовые отношения, внутриклассовая дифференциация, различия, семья; социальный прогресс, социальный процесс, социальное перемещение, мобильность и т. д.» [24, с. 11]. Как видим, терминология достаточно схожа с западными источниками и в меньшей, чем можно было бы ожидать, степени связана с марксистско-ленинским языком исторического материализма.

Еще одним шагом в направлении легитимации зарубежных идей в советском академическом дискурсе может считаться издание коллективного труда «Словарь прикладной социологии» [25], вышедший в 1984 г. под редакцией Г. П. Давидюка. Словарь содержит специальную статью «Современная буржуазная социология» [26], ряд терминов весьма схожи с зарубежными аналогами, тексты статей содержат ссылки на концепции иностранных авторов. Например, статья «Социальная мобильность» снабжена единственной ссылкой на переведенный на русский язык сборник американских социологов [27], в статье «Социальный статус» можно обнаружить анализ концепций М. Вебера и Т. Парсонса [28], а статья «Социология массовой коммуникации» отсылает к работам Р. Мертона и П. Лазерсфельда [29] и т. д. Отдельно стоит отметить, что на основании материалов исследований все три автора опубли-

ковали достаточно большое количество научно-популярных изданий (в основном брошюры общества «Знание»), многие из которых также посвящены зарубежным социологическим и политологическим концепциям и содержат ссылки на непереуведенные работы зарубежных авторов.

Таким образом, мы видим, что мнения относительно зарубежных социологических концепций претерпевали достаточно существенную трансформацию. Если работы начала 1960-х гг. носят явно выраженный полемический характер, жестко критикуя «теории и теорийки» и прямо указывая на их ненаучный характер, то уже в начале 1970-х гг. стиль описания меняется на более аналитически нейтральный. Осуществляется переход от рассмотрения отдельных проблемных областей (теории индустриального общества, научно-технической революции) к изучению зарубежной социологии в целом. При этом расширяется область применения зарубежных идей: они начинают быть представлены не только в специальных исследовательских изданиях, но и в учебной и справочной литературе, оказывая влияние на представления о социологическом исследовании как таковом. На наш взгляд, вполне продуктивным для понимания данного процесса может стать понятие «нормализация». Оно используется антропологом А. Юрчаком для анализа позднесоветских неформальных практик, которые заимствовали элементы официальной риторики и наделяли их новыми смыслами, «нормализуя» и адаптируя к повседневной жизни и неформальным речевым практикам [30]. Результаты исследования позволяют предположить, что в белорусских социальных науках (как, видимо, и в Советском Союзе в целом) постепенно происходила своеобразная «нормализация» идей, терминологии, проблематики западной социологии. Как было показано выше, процессы трансфера включали в себя большое количество работ, персоналий и направлений. Существенную роль в этом процессе сыграли и работы Г. П. Давидюка, который активно занимался изучением зарубежных социологических концепций, оказавших существенное влияние на его профессиональную деятельность. Это было отражено в целом ряде научных, научно-популярных, учебных и энциклопедических работ. Таким образом, не будет преувеличением сделать вывод о том, что изучение зарубежной социологии стало важным фактором в становлении белорусской социологической науки.

Библиографические ссылки

1. Фирсов БМ. *История советской социологии 1950–1980-х годов*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2001.
2. Филиппов АФ. Советская социология как полицейская наука. *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2014;3:91–105.

3. Дудчик АЮ. Изучение культурного трансфера как междисциплинарная область исследования. В: Лазаревич АА, Еворовский ВБ, Санько СИ, Дерман АВ, Никонович НА, Подолинская ЕО, Степаненко НА, редакторы. *Интеллектуальная культура Беларуси: истоки, традиции, методология исследования. Материалы Первой Международной научной конференции; 13–14 ноября 2014 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2015. с. 291–293.
4. Titarenko L, Zdravomyslova E. *Sociology in Russia: A Brief History*. New York: Palgrave Macmillan; 2017.
5. Бабосов ЕМ. Институт социологии НАН Беларуси: история создания и становления. *Социология*. 2010;1:37–42.
6. Жебит ГА. *Принципы и структура системы комплексного планирования развития коллективов и регионов (философско-социологический аспект исследования)* [автореферат диссертации]. Минск: Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина; 1977.
7. Дудчик АЮ, Верещагин ВА. Диссертационные исследования по философским наукам в БССР в 1972–90 гг: общая характеристика. В: Макарова ЕВ, Павлова ЕГ, редакторы. *Современный мир глазами гуманитариев. Сборник тезисов круглого стола молодых учёных; 11 мая 2017; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2017. с. 6–9.
8. Бабосов ЕМ. Динамизм и оптимизм – жизненное кредо профессора Г. П. Давидюка (интервью заслуженного работника БГУ, доктора философских наук, профессора Г. П. Давидюка главному редактору журнала «Социология» А. Н. Данилову). *Социология*. 2013;2:6–17.
9. Weinberg EA. *Sociology in the Soviet Union and beyond: social enquiry and social change*. Aldershot: Routledge; 2004.
10. Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union. *Annual Review of Sociology*. 1988;14:99–123.
11. Куренной В. Заметки о некоторых проблемах современной отечественной истории философии. *Логос*. 2004;3–4:3–29.
12. Давидюк ГП. *Основные черты современного ревизионизма*. Минск: Издательство Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования СССР; 1961.
13. Давидюк ГП. *Основные черты современного ревизионизма* [автореферат диссертации]. Москва: Академия общественных наук при ЦК КПСС; 1959.
14. Бутенко АП. *Основные черты современного ревизионизма*. Москва: Политиздат; 1959.
15. Водозаский А. *Основные черты современного ревизионизма*. Ташкент: Объединение издательств «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока», «Узбекистони сурх»; 1959.
16. Кагарлицкий БЮ. *Марксизм. Введение в социальную и политическую теорию*. Москва: Либроком; 2012.
17. Декларация совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. В: *Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года*. Москва: Госполитиздат; 1957. с. 3–18.
18. Давидюк ГП. *Критика теории «единого индустриального общества»*. Минск: Наука и техника; 1968.
19. Давидюк ГП. *Критика буржуазной теории «единого индустриального общества»* [автореферат диссертации]. Минск: Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина; 1968.
20. Давидюк ГП. *Марксісцкая ідэалогія і буржуазная дэідэалагізацыя*. Минск: Беларусь; 1970.
21. Dudchik A. The birth of sociology from the spirit of (critique of bourgeois) philosophy? The Belarusian case in the 1960s through 1980s. *Stan Rzezy*. 2017;2(13):93–117.
22. Давидюк ГП. *Введение в прикладную социологию*. Минск: Вышэйшая школа; 1975.
23. Дудчик АЮ. Трансфер западного философского знания в Беларуси в 1920-е гг. (на примере курсов диалектического материализма). *Философия и социальные науки*. 2015;1:32–35.
24. Давидюк ГП. *Прикладная социология*. Минск: Вышэйшая школа; 1979.
25. Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984.
26. Дунаев ВА, Лимаренко АП, Ручка АА. Современная буржуазная социология. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 151–155.
27. Гребенников РВ. Социальная мобильность. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 170–172.
28. Кочергин ВЯ. Социальный статус. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 208–209.
29. Писаренко ИЯ. Социология массовой коммуникации. В: Шульга КВ, Давидюк ГП. *Словарь прикладной социологии*. Минск: Университетское; 1984. с. 232–233.
30. Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014.

References

1. Firsov BM. *Istoriya sovetsoi sotsiologii 1950–1980-kh godov* [History of Soviet sociology in 1950–1980s]. Saint Petersburg: Publishing House of European University at Saint Petersburg; 2001. Russian.
2. Filippov AF. Soviet sociology as police science. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2014;3:91–105. Russian.
3. Dudchik AY. [Study of cultural transfer as interdisciplinary area]. In: Lazarevich AA, Evorovskii VB, San'ko SI, Derman AV, Nikonovich NA, Podolinskaya EO, Stepanenko NA, editors. *Intellektual'naya kul'tura Belarusi: istoki, traditsii, metodologiya issledovaniya. Materialy Pervoy mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii; 13–14 noyabrya 2014 g.; Minsk, Belarus* [Intellectual culture of Belarus: origins, traditions, methodology of research. Materials of the 1st International scientific conference; 2014 November 13–14; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2014. p. 291–293. Russian.
4. Titarenko L, Zdravomyslova E. *Sociology in Russia: a Brief History*. New York: Palgrave Macmillan; 2017.
5. Babosov EM. Institute of sociology NAS of Belarus: history of creation and development. *Sociologiya*. 2010;1:37–42. Russian.
6. Zhebit GA. *Printsipy i struktura sistemy kompleksnogo planirovaniya razvitiya kollektivov i regionov (filosofsko-sotsiologicheskii aspekt issledovaniya)* [Principles and structure of complex planning of development and regions] [dissertation abstract]. Minsk: V. I. Lenin's Belarusian State University; 1977. Russian.

7. Dudchik AY, Vereschagin VA. [Dissertations in philosophy in BSSR in the 1972–90: general analysis]. In: Makarova YV, Pavlova YG, editors. *Sovremennyy mir glazami gumanitariyev. Sbornik tezisev kruglogo stola molodykh uchonykh; 11 maya 2017 g.; Minsk, Belarus* [Contemporary world seen by humanities. Abstract of young scientists round table; 2017 May 11; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 6–9. Russian.
8. Babosov EM. Dynamism and optimism is life credo of professor G. P. Davidyuk (interview given by BSU honored scholar, doctor of philosophy, professor G. P. Davidyuk to the editor-in-chief of the Sociology journal, professor A. N. Danilov) *Sociologiya*. 2013;2:6–17. Russian.
9. Weinberg EA. *Sociology in the Soviet Union and beyond: social enquiry and social change*. Aldershot: Routledge; 2004.
10. Greenfeld L. Soviet Sociology and Sociology in the Soviet Union. *Annual Review of Sociology*. 1988;14:99–123.
11. Kurennoy V. [Notes on some problems in domestic history of philosophy]. *Logos*. 2004;3–4:3–29. Russian.
12. Davidyuk GP. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism]. Minsk: Publishing House of Ministry of Higher, Secondary Specie and Vocation Education of the USSR; 1961. Russian.
13. Davidyuk GP. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism] [dissertation abstract]. Moscow: Academy of Social Sciences at the Central Committee of the CPSU; 1959. Russian.
14. Butenko AP. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism]. Moscow: Politizdat; 1959. Russian.
15. Vodolazsky A. *Osnovnye cherty sovremennogo revizionizma* [The main features of modern revisionism]. Tashkent: United Publishing Houses «Kuzul Yzbekistan», «Yzbekistoni surkh», «Kuzul Yzbekistan»; 1959. Russian.
16. Kagarlitsky BY. *Marksizm. Vvedenie v sotsial'nyu i politicheskuyu teoriyu* [Marxism. Introduction into social and political theory]. Moscow: Librokom; 2012. Russian.
17. [Declaration of the Communist and workers parties of socialist countries meeting]. In: *Dokumenty soveshchaniy predstaviteley kommunisticheskikh i rabochikh partiy, sostoyavshikhsya v Moskve v noyabre 1957 goda* [Documents of meetings of representatives of the communist and workers parties, held in Moscow in November 1957]. Moscow: Gospolitizdat; 1957. p. 3–18. Russian.
18. Davidyuk GP. *Kritika teorii «edinogo industrial'nogo obshchestva»* [Criticism of the theory of the 'single industrial society']. Minsk: Nauka i tekhnika; 1968. Russian.
19. Davidyuk GP. *Kritika burzhuaaznoi teorii «edinogo industrial'nogo obshchestva»* [Criticism of bourgeois theory of the 'single industrial society'] [dissertation abstract]. Minsk: V. I. Lenin Belarusian State University; 1968. Russian.
20. Davidyuk GP. *Marksistskaya ideologiya i burzhuaaznaya djeidjealogizatsiya* [Marxist ideology and bourgeois deideologization]. Minsk: Belarus; 1970. Belarusian.
21. Dudchik A. The birth of sociology from the spirit of (critique of bourgeois) philosophy? The Belarusian case in the 1960s through 1980s. *Stan Rzezy*. 2017;2(13):93–117.
22. Davidyuk GP. *Vvedenie v prikladnuyu sotsiologiyu* [Introduction into applied sociology]. Minsk: Vysheishaya shkola; 1975. Russian.
23. Dudchik A. Transfer of the Western-European philosophical knowledge in Belarus in the 1920s (The case of courses in dialectical materialism). *Philosophiya i sotsialnye nauki*. 2015;1:32–35. Russian.
24. Davidyuk GP. *Prikladnaya sotsiologiya* [Applied sociology]. Minsk: Vyshheishaya shkola; 1977. Russian.
25. Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. Russian.
26. Dunaev VA, Limarenko AP, Ruchka AA. [Contemporary bourgeois sociology]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984:151–155. Russian.
27. Grebennikov RV. [Social mobility]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. p. 170–172. Russian.
28. Kochergin VY. [Social status]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. p. 208–209. Russian.
29. Pisarenko IY. [Sociology of mass communication]. In: Shulga KV, Davidyuk GP. *Slovar' prikladnoi sotsiologii* [Dictionary of applied sociology]. Minsk: Universitetskoe; 1984. p. 232–233. Russian.
30. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.11.2018.
Received by editorial board 09.11.2018.